

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

А. Г. Кузьмин

В последние годы вышло большое количество работ, в которых предпринимается попытка заново оценить источниковедческий фонд и узловые проблемы русской истории. «Мы знаем,— заметил десять лет назад Я. С. Лурье,— что Иван IV был Грозным, что князь Курбский бежал от него, прислав к царю Василия Шибанова с укоризненным письмом, что Иван Сусанин заманил поляков в лес и погубил их и т. д. Но откуда мы это знаем? Сколькими и какими источниками это подтверждается?»¹. В качестве примера Я. С. Лурье указал на ненадежность сведений о подвиге Ивана Сусанина. Теперь появилась работа, в которой признаются подделкой переписка Курбского с Грозным и другие сочинения опально-го боярина². Именно в последние годы предпринята новая попытка доказать подложность (или «позднее происхождение») «Слова о полку Игореве»³, Тмутараканского камня⁴, «татищевских известий»⁵, многих летописных текстов.

Периодический пересмотр наличного источниковедческого материала — явление вполне закономерное. Переоценки могут вызываться новыми данными или новыми путями исследования. В настоящее время как раз наблюдаются глубокие разногласия в интерпретации как вновь добытых, так и старых данных. Споры по конкретным вопросам неизбежно подводят к методологическим проблемам как в их специально научном, так и в философском значении⁶.

Следует подчеркнуть, что переоценка ценностей, ниспровержение традиций привлекают внимание широкой аудитории, лишенной возможности достаточно критически следить за аргументацией, на основании которой делаются ответственные выводы. Поэтому вопросы исследовательской этики (отношение к предшественникам, подход к источникам,

¹ Я. С. Лурье. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед. «Труды отдела древнерусской литературы». Т. XVIII. М.-Л. 1962, стр. 469.

² E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. Cambridge, Massachusetts. 1971.

³ Тезис А. Мазона (Франция) о подложности «Слова» развивается в ряде работ А. А. Зимина. С той или иной поддержкой его на дискуссии выступили Я. С. Лурье, В. Л. Янин, А. Л. Монгайт, В. Б. Кобрин, А. И. Клибанов, В. Б. Вилинбахов (см. «Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». «Вопросы истории», 1964, № 9), см. также М. Ф. Котляр. Загадка Святослава Всеволодовича Київського. «Український історичний журнал», 1967, № 6.

⁴ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. М. 1969, и др.

⁵ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л. 1961, стр. 237 и далее; ч. 2. Л. 1965, стр. 158—159 и др.; Е. М. Добрушкин, Я. С. Лурье. Историк-писатель или издатель источников? «Русская литература», 1970, № 2; Д. С. Лихачев. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? Там же, 1971, № 1, и др.

⁶ О разных уровнях методологического анализа см.: В. А. Лекторский, В. С. Шевырев. Методологический анализ науки (Типы и уровни). «Философия. Методология. Наука». М. 1972. Общая и специальная методология неизбежно соприкасаются, но не обязательно сливаются полностью.

характер информации читателя) при всяком пересмотре занимают особое место. Poleмика неизбежно принимает острый характер, если выясняется, что источники искажены, а ссылки неверны⁷. В некоторых работах тезис о подложности подается фактически в качестве априорной посылки. Элементы такого подхода обнаруживаются в рассуждениях С. Л. Пештича о фальсификациях В. Н. Татищева⁸. Е. М. Добрушкин полагает, что, «увлеченные спорами о достоверности «татищевских известий», ученые проходили мимо... важного... вопроса... как именно создавал историк свои известия»⁹. Но ведь прежде чем говорить о том, «как именно создавал историк», нужно доказать, что он их «создавал», а не заимствовал из источников. А этого положения автор даже не доказывал.

Презумпция подложности, конечно, не всегда выступает в обнаженном виде, а сомнения и скептицизм сами по себе необходимые условия плодотворного исследования. Речь, очевидно, может идти лишь об их направленности. В юриспруденции дознание отправляется от «презумпции невиновности»: обвиняемый невиновен до тех пор, пока не доказана его вина. Нечто подобное необходимо и в качестве гарантии объективности научного исследования. Скептицизм желателен не только при рассмотрении показаний источника, но и при выдвижении претензий к нему. Ученый не может обязывать источник оправдываться. Он должен доказать свое обвинение. Напоминание о некоторых очевидных методических изъянах нелишне потому, что они встречаются в «скептических» построениях. Но темой серьезного рассмотрения могут быть те принципы исследования, которые представляются вполне оправданными и тем не менее приводят к резкому столкновению с выводами, полученными иным путем. Достаточно сказать, что по одному из кардинальных вопросов истории древнерусской письменности — времени появления первых исторических сочинений — расхождения достигают одного-двух столетий.

Летописи — важнейший источник по общественно-политической истории Древней Руси. От объема извлеченной из них информации в огромной степени зависят уровень сведений о первых веках русской истории, а также оценка многих внелетописных памятников. Проблема Татищева — это в первую очередь проблема понимания характера и содержания древнерусского летописания. Передатировка и переосмысление памятников письменности неотделимы от пересмотра соответствующего летописного материала. Естественно поэтому особое значение методологии изучения летописей для исследования всей древнерусской письменности.

Изучением летописей занимаются преимущественно историки и филологи. Специфика методов этих наук накладывает известный отпечаток на оценку материалов. Существенно различается и круг привлекаемых дополнительных материалов. Все это служит как бы объективной основой существующих расхождений. Можно обратить внимание на то обстоятельство, что среди авторов, датирующих начало летописания временем не ранее второй половины XI в., мы видим прежде всего филологов (В. М. Истрин, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, И. П. Еремин), а в ряду ученых, отыскивающих следы современного летописания в X и даже IX в., — историков или специалистов, активно пользующихся историческими методами исследования (Н. К. Никольский, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков). При ближайшем рассмотрении оказы-

⁷ Такого рода аномалии выявлены специалистами в концепции А. А. Зимина о подложности «Слова о полку Игореве» и у некоторых других поддерживающих ее авторов.

⁸ Ср. Б. А. Рыбаков. В. Н. Татищев и летописи XII в. «История СССР», 1971, № 1, стр. 97.

⁹ Е. М. Добрушкин. «История Российская» В. Н. Татищева и русские летописи. Л. 1972 (автореф. канд. дис.), стр. 17.

вается, что первое направление строится на данных внешнего, текстологического порядка, второе — на гораздо большем внимании к содержанию текстов. Разные науки, естественно, могут (и должны) дополнять друг друга. Поэтому представляется целесообразным проследить, на какой стадии акцент в пользу тех или иных методов приобретает «материальный» характер в виде определенных исторических выводов.

Текстологическое направление обычно отправляется от работ А. А. Шахматова и его последователя М. Д. Приселкова. Большое значение их (прежде всего А. А. Шахматова) для летописеведения признается и авторами исторического направления. Но в их трудах чаще встречаются имена предшественников А. А. Шахматова и его современников-историков. Наблюдаются различия и в оценке собственно методических приемов А. А. Шахматова. В свое время С. В. Юшков заметил, рецензируя книгу Д. С. Лихачева, что «при условии, когда А. А. Шахматову посвящают своего рода дифирамб на 20 страницах, а о других исследователях только упоминают, читатель не в состоянии составить правильное представление об истории изучения и исследования русских летописей»¹⁰. Как на недостаток на это обстоятельство указывал и М. Н. Тихомиров¹¹. Но в этом факте проявлялась определенная позиция, которую автор отстаивал и в последующих работах. Практически не касается дошахматовской историографии и Я. С. Лурье. М. Д. Приселкову же он отвел особое место в формировании «материалистического источниковедения» — основы «марксистской, материалистической историографии»¹². В самое недавнее время Л. В. Черепнин еще более заострил этот тезис, утверждая, что «внедрение марксизма в историческую науку было связано с теоретическим переосмыслением источниковедческих приемов Шахматова», и зачисляя М. Д. Приселкова в число «историков-марксистов»¹³.

Высказывания Я. С. Лурье и Л. В. Черепнина логичны с точки зрения притязаний текстологического направления: текстология лишь в том случае может в настоящее время определять развитие исторической науки, если «внедрение марксизма» возможно только через нее. Но несостоятельность таких притязаний едва ли стоит доказывать. Летописеведение при всей его важности для многих аспектов исторической науки не может определять ее развития в целом (хотя бы потому, что сфера его приложения надстроены, а не базисные явления). Попытка подвести А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова «под марксизм» — значит привлекать внимание к наиболее слабым сторонам их научных взглядов¹⁴. Путь от буржуазной исторической науки к марксистской проходит, разумеется, не через филологию и не через приемы анализа летописных текстов. И говорить можно лишь о способах обогащения летописеведения историко-материалистической методологией, переосмысления его места в исторической науке с учетом достижений последней, а не наоборот.

Переосмысление задач и методов летописеведения в свете методологии исторического материализма — одна из коренных проблем источниковедения. И в связи с этим и на пути к этому необходимо решить несколько, с одной стороны, более частных, а с другой — более общих вопросов (в плане теории познания и применительно к конкретному предмету). Речь идет о соотношении формального и смыслового начал в

¹⁰ «Вопросы истории», 1947, № 11, стр. 111.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М. 1962, стр. 66.

¹² Я. С. Лурье. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед, стр. 474.

¹³ Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах. «История СССР», 1972, № 4, стр. 46, 49. Методологические аспекты концепции Л. В. Черепнина в целом требуют особого рассмотрения.

¹⁴ Ср. В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. «Вопросы истории», 1952, № 2; И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. «Исторические записки». Т. 35. 1950.

изучении летописей, о месте и возможностях сравнительно-текстологического метода, а также о характере древнерусского летописания. Именно вокруг этих вопросов ведется в настоящее время полемика. Истоки ее нередко оказываются еще в прошлом столетии. Поэтому, признавая исключительные заслуги А. А. Шахматова в области изучения летописей, нельзя согласиться с зачеркиванием всего предшествовавшего периода. К тому же абсолютная оценка вклада А. А. Шахматова не может быть произведена в отрыве от относительной — сравнения с предшественниками.

Творчество А. А. Шахматова, безусловно, заслуживает специального исследования. Здесь придется ограничиться лишь отношением его к указанным выше спорным вопросам. В литературе чаще всего при оценке его места в историографии летописеведения отправляются от сделанного в 1920 г. доклада А. Е. Преснякова. А. Е. Пресняков выделил в изучении летописей три периода. Первый он обозначил именами В. Н. Татищева и А. Шлецера, второй связал с П. М. Строевым и К. Н. Бестужевым-Рюминым и третий — с А. А. Шахматовым. Первый период обычно не привлекает внимания, а второй упоминается подчас лишь в качестве фона для третьего. Но мысль А. Е. Преснякова передается не всегда достаточно точно. По замечанию ученого, для второго периода было характерно понимание летописи как результата «механической сводки разнородного материала на хронологической канве; а потому и усилия исследователей направлялись на анализ летописных сводов с целью разложить их на составные элементы, выделить их источники и использовать эти подлинные первоисточники как исторический и историко-культурный материал». В лице А. А. Шахматова «к изучению летописных сводов подошел не историк, ищущий в них фактических сведений о лицах, событиях и отношениях минувших веков, а филолог в широком значении слова, для которого эти своды сами по себе крупное историко-литературное явление и существенный культурно-исторический памятник прошлого». В результате «летописные своды ожили в его изучении, как ценные создания древнерусского духовного творчества, значительные и важные сами по себе, независимо от их служебной роли, как источника исторических сведений»¹⁵.

Именно цитированный текст обычно привлекается для характеристики переворота, осуществленного в летописеведении А. А. Шахматовым. Я. С. Лурье, например, упрекает М. Н. Тихомирова и Б. А. Рыбакова в том, что, «разлагая» материал древнейшего летописания на отдельные сказания, «авторы невольно возвращаются к дошахматовским методам разложения летописных сводов на отдельные элементы»¹⁶. «Шагом назад» квалифицирует всякую возможную переключку с работами «бестужевского» направления и Д. С. Лихачев¹⁷. Но оба автора смешивают два самостоятельных ряда расхождений: понимание характера сводов и целей их исследования. Оставляя пока в стороне вопрос о понимании характера источника, заметим, что задачи историков и филологов при обращении к летописям вполне могут и даже должны быть различными. Задача добраться до «подлинных первоисточников» никогда не снималась и не может быть снята в исторической науке. Другой вопрос — как это сделать и насколько это возможно. Сотрудничество филологов и историков в этом плане может быть весьма плодотворным.

¹⁵ А. Е. Пресняков. А. А. Шахматов в изучении русских летописей. «Известия Отделения русского языка и словесности АН» (далее ИОРЯС). Т. XXV. Пггр. 1922, стр. 163, 164.

¹⁶ Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. «Вспомогательные исторические дисциплины». Т. I. Л. 1968, стр. 30.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их историко-культурное значение. М.-Л. 1947, стр. 33 и др.

Выделенные А. Е. Пресняковым «три этапа» нельзя сводить к последовательному восхождению, когда каждый новый шаг ведет к отрицанию предшествующих. Три этапа — это также и три разных взгляда на объект (или задачи) исследования, существующие параллельно. А. Е. Пресняков не случайно указал «на логическую связь шахматовских разысканий с задачами Шлецера». Предтечей же А. А. Шахматова в методологическом отношении он признавал И. Добровского, жившего столетием раньше¹⁸. Не случайно также и то, что критика в адрес А. А. Шахматова иногда напоминает по своему характеру критику А. Шлецера сторонниками «бестужевского» направления.

Едва ли нужно говорить (хотя и приходится это делать) о том, что всякие рассуждения об исследовательской методике беспочвенны без определения характера изучаемого источника. Но как раз вокруг определения сущности летописания, и в частности Начальной летописи («Повести временных лет»), и идут споры начиная с прошлого столетия. Изменения взглядов на объект исследования неизбежно вело к поискам новых путей его изучения. Это очень четко прослеживается на протяжении всего двухсотлетнего периода изучения летописей.

На становление летописеведения огромное влияние оказал В. Н. Татищев. Летописание представлялось ему единым вековым деревом. Первым летописцем он считал Нестора, кончившего свой труд в 1093 году. Затем летописанием занимался Сильвестр (до 1116 года). До 1156 г. летописное дело как эстафета передается из рук в руки, а затем разветвляется, давая самостоятельные побеги. В. Н. Татищев, правда, допускал, что «во всех славянех гораздо ранее историки были да пропали или дополнители исправя и дополня свои именовали»¹⁹. Но мысли эти не были им развиты (хотя находка Иоакимовской летописи, которую он признавал древнейшей, и побуждала к этому).

А. Шлецер целиком отпавлялся от представлений В. Н. Татищева. Но он совершенно отверг летописание XI в. (Нестор, по А. Шлецеру, трудился в начале XII столетия), а ответвления от основного ствола датировал лишь XIII веком. Возможностей существования летописания за пределами этого «древа» он не допускал. При таком взгляде на летописание казалось осуществимым выделение его «очищенной» основы. «Представить сочинителя (Нестора.— А. К.) в его настоящем виде»²⁰ и попытался А. Шлецер. Но его реконструкция была весьма произвольной. Достаточно сказать, что у него даже не было полных списков тех летописей, на основе которых он «очищал» Нестора (копировались только начальные части сравнительно немногих летописей). Более строгие критерии реконструкции текста-основы предложил чешский ученый И. Добровский. Он отпавлялся от тех же исходных позиций, что и А. Шлецер, но требовал максимального внимания к палеографическим и филологическим данным. Списки необходимо было привлекать, по И. Добровскому, в оригиналах и полностью. Их предстояло разбить на редакции, причем решительное преимущество отдавалось старшим спискам: все позднейшие могли содержать либо ошибки, либо переделки текста-основы. Совпадающие тексты дают первичные чтения сначала в рамках одной ветви, а затем, на следующем этапе сопоставления,— «очищенный» текст основного летописного ствола²¹.

И. Добровский в цельном виде представил возможности применения сравнительно-текстологического метода для изучения русских летописей, и позднее в руках А. А. Шахматова этот метод стал могучим рычагом, с

¹⁸ А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 164.

¹⁹ В. Н. Татищев. История Российская. Т. IV. М.-Л. 1964, стр. 45.

²⁰ А. Шлецер. Нестор. Т. I. Общие предварительные напоминания. СПб. 1809, стр. 4.

²¹ J. Dobrowsky. Wie soll Nestors Chronik... rein hergestellt werden? В кн.: J. Müller. Altrussische Geschichte nach Nestor. B. 1812.

помощью которого подымались летописные пласты. Но такой метод в неограниченной степени может применяться только при восстановлении авторского текста не дошедших до нас цельных произведений. Между тем уже Г. Эверс и затем П. М. Строев признали несостоятельной эту главную посылку всех «очищателей». «Каждый век и каждое значительное княжество, — считал П. М. Строев, — имели своих, почти непрерывных бытописателей; даже и в некоторых обителях вели частные монастырские записки. Из сих-то отдельных бытописаний составлялись по временам общие сборники». Летописцы «вносили в свои сборники только то, что, по ограниченным их понятиям и обстоятельствам местным, казалось им любопытным; иное пропускали и сокращали, иное помешали вдвойне, а иное располагали по-своему, без строгого различия и порядка»²².

При взгляде на летописи как на сборники-своды существенно менялся характер требований к их изучению. Если И. Добровскому казалось излишним привлекать поздние компиляции, то Г. Эверс, напротив, настаивал на необходимости их привлечения. «Говоря вообще, это нехорошо, — оговаривался ученый, — но в отношении к происшествию девятого столетия едва ли можно давать большое преимущество сказанию летописи тринадцатого, коей притом имеем мы новейшие списки, пред летописью 15-го столетия, тем более когда мы знаем, что сия летопись составлена из множества других теперь потерянных летописей»²³.

Мысль о сводном характере наших летописей неоднократно повторялась авторами середины XIX в. — П. С. Казанским, И. Д. Беляевым, И. И. Срезневским, Н. И. Костомаровым и другими. К. Н. Бестужев-Рюмин посвятил доказательству этого положения специальное исследование. Он стремился показать, что ранее XII в. существовали письменные записи о событиях «то в виде отдельных сказаний, то в виде кратких заметок». «Все эти материалы, — полагал ученый, — попали в руки любознательному человеку в начале XII в. (если предположить, что в XI не было свода, что может быть и верно, но не положительно), и он из них составил тот свод, который мы теперь называем первоначальным; мы не знаем степени его собственного участия; но думаем, что оно, может быть, ограничивается последними годами (приблизительно началом княжения Святополка или много много Всеволода) и может быть некоторыми вставками, поправками, сравнениями и связующими выражениями; наконец составлением из многих сказаний одного, как это сделано в житии Владимира (впрочем, может быть, и не последним составителем). Таким образом, с этой точки зрения «Повесть временных лет» является архивом, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы». «Оттого, — заключал автор, — и трудно смотреть на нее, как на цельное произведение: то, что до сих пор считалось взглядами известного летописца, теперь скорее можно признать взглядом книжников целой эпохи»²⁴.

Именно цитированный текст должен свидетельствовать о том, что К. Н. Бестужев-Рюмин понимал летопись как «чисто механическое и случайное соединение материала». И рядом с этим и в связи с этим недостатком постоянно фигурирует сравнение летописи с «архивом»²⁵. Но ведь, например, и Д. С. Лихачев считает, что «сколько бы труда ни положил летописец на составление своего летописного свода, личный, авторский текст летописца будет охватывать лишь последнюю часть этого свода»²⁶. По его мнению, «составляя свой свод, летописец прежде всего

²² «Софийский временник». Ч. 1. 1820, стр. X—XI.

²³ Г. Эверс. Предварительные критические исследования для Российской истории. Кн. 2. М. 1826, стр. 253—254 (на немецком языке книга была опубликована в 1814 г.).

²⁴ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб. 1868, стр. 58—59.

²⁵ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 13 (в книге дается неточная ссылка).

²⁶ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет. Т. II. М.-Л. 1950, стр. 40.

заботился о том, чтобы получить в свои руки труды своих предшественников — таких же летописцев, затем исторические документы — договоры, послания, завещания князей, исторические повести, жития русских святых и т. д. и т. п. Собрав весь доступный ему материал, иногда многочисленный и разнообразный, иногда всего два-три произведения, летописец соединял его в погодном изложении»²⁷. Главная мысль К. Н. Бестужева-Рюмина и многих его современников заключалась в том, что сохранившиеся своды лишь в слабой степени отразили письменное богатство Древней Руси («архив», в котором хранятся только «следы»). К. Н. Бестужев-Рюмин находил, что «ряд известий, несомненно, достоверных, которые не вошли в первоначальный свод», подтверждает «существование нескольких современных летописцев»²⁸.

Наличный внелетописный материал убеждал К. Н. Бестужева-Рюмина, что «есть возможность определить и даже до известной степени восстановить» письменные источники Повести временных лет²⁹. Были своды и «с претензиями на целостность и некоторый так сказать прагматизм»³⁰. Но и в этом случае представлялось возможным выделять источники. Поскольку первичные элементы сводов могли группироваться в разных соотношениях, а главной задачей летописеведения оставалось приближение к первоисточникам, внимание автора акцентировалось не на сводах в целом, а на их реальных или мнимых элементах.

В плане поставленных автором задач его подход к летописям был вполне правомерен. Но он, разумеется, не исчерпывал всех возможностей приближения к первоисточникам. К тому же во взгляде на предмет у К. Н. Бестужева-Рюмина выявились существенные противоречия: с одной стороны, признавалась тенденциозность летописцев («куда клонится сочувствие»), с другой — допускалась возможность хотя бы частичного восстановления источников. Некоторые ученые фактору тенденциозности отводили гораздо большую роль, что делало проблематичной любую попытку реконструкций. Еще И. Д. Беляев обратил внимание на разные типы летописных сочинений от официальных до частных (в том числе литературных, писанных «только по исторической любознательности составителей») ³¹. Он указал, в частности, на три разные версии в описании одного факта — битвы на Ждане-горе между ростовцами и новгородцами ³². Извлечение из готовых материалов согласно цели и воззрениям составителей» видел в летописях П. С. Казанский ³³. В полемике, развернувшейся в 60-е годы прошлого столетия, С. Гедеонов и А. Куник допускали возможность вообще фантастических и произвольных исторических построений у летописцев ³⁴. Эта мысль получила новое подтверждение в работах Н. Н. Яниша, И. П. Хрушова и ряда других авторов. В результате нарастал скептицизм в отношении возможностей восстановления истории летописания и в особенности в отношении возможностей текстологии. «При сравнительно позднем происхождении сохранившихся списков,—замечал Н. Н. Яниш,—при безыменности (анонимности) заключающихся в них сказаний, устраняющей возможность с точностью определить взаимное отношение повествователя и повествуемого, при отсутствии почти безусловном других источников к сличе-

²⁷ Там же, стр. 41.

²⁸ К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., стр. 69.

²⁹ Там же, стр. 2.

³⁰ Там же, стр. 157.

³¹ И. Д. Беляев. О разных видах русских летописей. «Временник Московского общества истории и древностей российских», 1850, кн. 5, отд. 1, стр. 4.

³² И. Д. Беляев. Указ. соч., стр. 26.

³³ П. С. Казанский. Критический разбор свидетельств Патерика Печерского о летописи Нестора. «Временник Московского общества истории и древностей российских», 1850, кн. 7, отд. 1, стр. 16.

³⁴ С. Гедеонов. Варяги и Русь. Ч. 1. СПб. 1876, стр. 105—106, 125—126 (первоначально публиковалось в 1862 г.): А. Куник. Замечания. «Записки АН». Т. VI. Приложение № 2. 1864, стр. 56—57 и др.

нию... критерием для проверки летописного рассказа остается, в сущности, одна лишь внутренняя его достоверность»³⁵. Еще далее шел пессимизм А. Маркевича. «Даже нахождение известия в разных списках,— замечал он,— ничего не доказывает: может быть, у составителей или переписчиков под рукою был один и тот же источник»³⁶.

Таким образом, к концу прошлого столетия наметился кризис летописеведения, вызванный отчасти несоответствием задачи выявления первоисточников с привлекаемыми для ее выполнения малыми средствами. Установление факта тенденциозности летописцев ставило задачу более основательного изучения идеологии, а также интересов разных социальных групп, что предполагало качественно новый уровень исторической науки. Чисто же формальное выделение первичных элементов свода не много давало и для исторического исследования. К тому же при таком подходе недооценивался свод как единое целое. «Мнение Бестужева-Рюмина,— заметил в этой связи М. О. Коялович,— ...должно быть признано крайним пределом разложения на составы нашей древней летописи, после чего должно начаться восстановление хотя некоторой ее цельности»³⁷. Автор снова рекомендует обратиться к рукописям, дабы в истории рукописей попытаться обнаружить причины возможных искажений (тенденций)³⁸. Остановившись на взаимоотношении Ипатьевской и Лаврентьевской летописей — главных источников для изучения древнего летописания,— автор приходит к выводу, что «составители этих редакций имели под руками какие-то не дошедшие до нас редакции и перемешали их». «Подобных новых редакций, кроме древних общеизвестных списков,— полагал ученый,— нужно искать и для объяснения других частей древней нашей летописи»³⁹. М. О. Коялович явился как бы предтечей «шахматовского» периода в изучении летописей.

В конце прошлого столетия появляются одна за другой статьи А. А. Шахматова, посвященные начальному летописанию, а в 1899 г. в критическом отзыве на работы И. А. Тихомирова он сформулировал свой взгляд на древнерусское летописание. Именно к этой работе обычно обращаются при оценке методических приемов А. А. Шахматова, причем далеко не всегда принимаются в расчет внутренняя противоречивость ряда его положений и последующая эволюция взглядов ученого. Этим отчасти объясняется разноречивость в определении сущности «шахматовского» метода. Его называют «методом логически-смыслового анализа»⁴⁰, «комплексным» (в противовес «избирательному»)⁴¹, «методом больших скобок»⁴², «сравнительно-текстологическим»⁴³, «сравнительно-историческим»⁴⁴. У А. А. Шахматова, очевидно, можно найти элементы всех этих методов, только их не следует связывать исключительно с А. А. Шахматовым, а тем более противопоставлять друг другу (как это нередко делается). «Метод логически-смыслового анализа» текстов применяется всеми учеными. «Комплексность» свидетельствует об эрудиции ученого.

³⁵ Н. Н. Яниш. Новгородская летопись и ее московские переделки. М. 1874, стр. 8.

³⁶ А. Маркевич. О летописях. Вып. 1. Одесса. 1883, стр. 120.

³⁷ М. О. Коялович. История русского самосознания. СПб. 1901, стр. 15.

³⁸ Там же, стр. 17.

³⁹ Там же, стр. 18.

⁴⁰ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 17—20; Ю. А. Лимонов. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л. 1967, стр. 5; А. А. Зимин. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М. 1969, стр. 433.

⁴¹ Д. С. Лихачев. Текстология. М.-Л. 1962, стр. 363—364; ср. также «Памяти А. А. Шахматова». «Известия» АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXX, вып. 1. 1971, стр. 97 (изложение выступления Д. С. Лихачева).

⁴² Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 16—17; Я. С. Лурье. Михаил Дмитриевич Приселков, стр. 466.

⁴³ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 59 и др.

⁴⁴ Так называли свой метод сам А. А. Шахматов и его современники (в частности В. М. Истрин).

«Метод больших скобок» — это первоначальный набросок решения, прикидка «на живую нитку»⁴⁵. «Сравнительно-текстологический метод» — основной прием в текстологии, применяемый с XVIII века. Более широкий «сравнительно-исторический» метод господствовал в русской исторической науке и филологии второй половины XIX века.

Исходя из того, что все перечисленные приемы были давно известны, В. Завитневич полагал, что А. А. Шахматов не дал «ничего принципиально нового» «в методическом отношении», и усматривал у него лишь «некоторое своеобразие» «в смысле применения раньше практиковавшегося научного приема на практике»⁴⁶. В. Т. Пашуто, высоко оценивая чисто текстологические приемы А. А. Шахматова, признал совершенно недостаточной интерпретацию выявленных им различий в плане историко-смысловом⁴⁷. А сравнительно-исторический метод предусматривает сопоставление не только текстов, но и самих исторических явлений.

Методы в науке, так же как и факты, накапливаются постепенно, и те или иные акценты в их применении могут повести к существенному пересмотру ранее накопленного материала. Поэтому если и нельзя согласиться с тенденцией начинать «научное» летописание с А. А. Шахматова, то к его построениям, существенно разнившимся от опытов предшественников, надо отнестись самым внимательным образом.

И. А. Тихомиров, полемикой с которым А. А. Шахматов вошел в большую науку, был ортодоксальным последователем К. Н. Бестужева-Рюмина. Но, как это часто бывает у последователей, он не воспринял всего разнообразия приемов и мыслей учителя. Его работы небеспользны, а некоторые наблюдения над новгородскими летописями не потеряли значения до наших дней. Занимался он преимущественно поздним летописанием, в чем почти не имел предшественников. Но именно на этом материале особенно проявилась недостаточность «бестужевского» подхода. Отзыв А. А. Шахматова, пожалуй, излишне суров, что могло быть вызвано довольно резкой критикой И. А. Тихомировым его гипотезы, согласно которой Новгородская I летопись отразила «Начальный свод» конца XI века⁴⁸. А. А. Шахматов упрекал оппонента в слабом владении летописным материалом, предостерегая от выводов, основанных на изучении одного взятого изолированно памятника⁴⁹. Это положение, в общем бесспорное, едва ли вполне применимо к данному оппоненту. Сличение текстов проводилось всеми авторами бестужевского направления, но эта работа обычно рассматривалась как черновая, не подлежащая публикации. И в данном случае И. А. Тихомиров не придавал особого значения установленным им фактам близости отдельных сводов, преследуя задачу их разложения на отдельные сказания и известия. Он не ставил вопрос о том, каким путем эти элементы попали в своды, не искал промежуточных инстанций между известием и дошедшим до нас сводом и не стремился представить, как тот или иной свод составлялся.

⁴⁵ Я. С. Лурье ошибочно отождествляет его с «комплексностью». Так же первоначально понимал его Д. С. Лихачев. Но позднее он дал ему более точную характеристику, соответствующую мысли М. Д. Приселкова, впервые употребившего это выражение (ср. М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л. 1940, стр. 13). Л. В. Черепнин, ссылаясь на это же место книги М. Д. Приселкова, говорит о шахматовских реконструкциях как математически точных построениях. Но такое переосмысление высказывания предшественника объясняется подменой чтения «алгебраическое выражение» понятием «алгебраическая формула» (ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 51—52).

⁴⁶ В. Завитневич. М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб. 1913; «Труды Киевской духовной академии», 1914, стр. 2.

⁴⁷ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 60 и далее.

⁴⁸ И. А. Тихомиров. О начальном Киевском своде. Исследование А. А. Шахматова. Чч. I—III. М. 1897; «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1897, ч. 314.

⁴⁹ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова: «Обзрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб. 1899, стр. 75.

Противопоставляя свой взгляд на летописные своды тихомировскому, А. А. Шахматов выразил убеждение, что «наши летописи не были официальными актами, памятными записками, механической сшивкою разнородного материала,— это были литературные произведения, дававшие широкий простор личному чувству автора, считавшего себя полным и безответственным хозяином накопленного им материала — предшествовавших летописных сводов, летописей, веденных другими лицами, сказаний, известных по другим памятникам»⁵⁰.

Приведенное положение уже содержит элементы внутреннего противоречия и только отчасти противостоит «бестужевскому» пониманию характера летописей. Сам К. Н. Бестужев-Рюмин возражал против прямолинейного понимания летописей как официальных произведений⁵¹, а тенденциозность могла носить самый различный характер. И. А. Тихомиров видел в московских летописях отражение основных политических идей времени и вместе с тем находил возможным без особых затруднений «расширять» их сводку. А. А. Шахматов возражал против связи летописания с политической жизнью, а свод представлял довольно цельным произведением. Поэтому, по мнению А. А. Шахматова, исследование «должно начинаться с определения личности составителя свода (времени, места, обстоятельства, при которых он работал)»⁵².

Указание на необходимость интеграции было, несомненно, положительным фактором. Однако отрыв личности летописца от политических течений своего времени толкал ученого на путь формального анализа текстов. При этом исчезал такой важный критерий, как господствующие идеи эпохи. Между тем выяснение характера «личных чувств автора» неизменно выявляло их связь с эпохой. Ученому очень скоро пришлось признать «связь между объединением Руси и появлением общерусских по своему содержанию летописных сводов»⁵³. Рассуждение автора о том, что при их составлении тем не менее не было «внесено никакой политической тенденции»⁵⁴, строилось на искусственном допущении, что церковь, и в частности митрополит, в отличие от светской власти стоит вне политики.

А. А. Шахматова интересовали прежде всего летописные своды как цельные литературные произведения, и история летописания представлялась ему системой взаимоотношений сводов как реально существующих, так и до нас не дошедших. «Можно с уверенностью сказать,— подчеркнул он,— что все дошедшие до нас летописные своды предполагают существование других, более древних, лежащих в их основании. Поэтому исследование их должно приводить к определению (предположительно) этих основных сводов; дальнейшее исследование должно открывать, не происходят ли такие основные своды из сводов еще более древних и первоначальных. Первоначальный летописный свод, входя в состав позднейшего, мог осложняться сказаниями, а также известиями, заимствованными из других сводов, других памятников или записанными на основании устного предания народных сказаний, рассказов современников»⁵⁵. «Главной задачей исследователя летописных сводов, как вообще всяких литературных памятников,— полагал ученый,— должно быть установление взаимной связи между однородными, сходными памятниками, причем эта связь может частью объясняться общим происхождением от других, древнейших памятников, частью же она может зависеть от взаимного друг на друга влияния этих памятников. Без такой пред-

⁵⁰ Там же, стр. 6.

⁵¹ К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., стр. 33.

⁵² А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова, стр. 6.

⁵³ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. ЖМНП, 1900, ч. 331, стр. 90.

⁵⁴ Там же, стр. 166—167.

⁵⁵ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова, стр. 6.

варительной работы немислимы никакие общие характеристики памятника»⁵⁶. И. А. Тихомирова А. А. Шахматов и упрекал прежде всего в том, что он, исследуя Лаврентьевскую летопись, «не попытался определить эти следовавшие друг за другом своды, ...не размотал сложного клубка, составившегося окончательно в XIV веке, ограничившись указанием на то, что клубок состоит из ниток разного цвета, разной доброты»⁵⁷.

Именно указанные положения сближали методику А. А. Шахматова с рекомендациями И. Добровского и беглыми замечаниями М. О. Кояловича. Хотя А. А. Шахматов на первых порах ставил почти исключительно литературные задачи, его взгляд объективно содержал новые требования к использованию летописных материалов как источника. Он полагал, что каждая летописная статья должна изучаться в связи с историей содержащего ее текста. Сравнительно-текстологический анализ открывал возможность для выяснения такой истории путем своего рода снятия слоев. По системе А. А. Шахматова, прежде чем рассматривать известие, необходимо определить место содержащей его летописи в ряду других, затем установить предшествующие летописные своды и, наконец, подойти к нужному тексту. В ряде работ ученый продемонстрировал этот путь. Ставя задачу проанализировать какое-нибудь летописное сказание, он давал широкую картину взаимоотношения содержащих его сводов. Изучаемой статье летописи уделялось обычно меньше внимания, чем истории текста, а система взаимоотношений одних и тех же сводов повторялась с теми или иными отличиями во многих статьях.

А. А. Шахматов был убежден, что «выделению исторических фактов должна предшествовать работа над литературным составом источников»⁵⁸. Подобно А. Шлецеру, он полагал, что сначала нужно «очистить» источник или даже восстановить его, а затем уже изучать. По мнению А. А. Шахматова, А. Шлецером «были намечены вопросы, подлежащие дальнейшей разработке, ...были определены способы и приемы исследования». Вслед за А. Шлецером он считал, что «в основание исследования должна быть положена критическая разработка древнего текста, а этой разработке должно предшествовать восстановление текста по дошедшим до нас данным». Задача «восстановления текста древнейших летописных сводов» была прямо обозначена в главном труде ученого⁵⁹.

Поставленные цели и объем привлеченного материала не могли не поразить воображение своей грандиозностью. Это на первых порах, да и впоследствии, мешало объективной оценке проделанной ученым работы. Многим последователям А. А. Шахматова казались вполне реальными задачи и достаточными применяемые им методы. Кое-кто даже был склонен абсолютизировать предложенные им генеалогические схемы. Но ближайшее знакомство с работами А. А. Шахматова показывает, что отдельные звенья схемы переделывались по многу раз, и в окончательном своем виде эта схема далеко не логична, поскольку в последние годы пересмотру подвергались не только звенья, а и самые принципы ее создания.

На первых порах А. А. Шахматов явно упрощал задачу, поскольку упрощал самое историю летописания. На первичных записях он почти не останавливал внимания, а весь наличный материал реально дошедших сводов стремился возвести к нескольким «основным». Все летописные своды XV—XVI вв. представлялись ему ветвями одного дерева — извлечениями из «Полихрона Фотия 1423 года». Для Ипатьевской и Лав-

⁵⁶ Там же, стр. 75.

⁵⁷ Там же, стр. 8.

⁵⁸ В. Пархоменко. Из листування з акад. О. О. Шахматовим. «Україна». Кн. 6. Київ. 1925, стр. 127.

⁵⁹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1903, стр. III, V.

рентьевской летописей указывался общий знаменатель в виде «Владимирского полихрона начала XIV века», а древнейшее летописание объяснялось не дошедшими до нас «Начальным сводом» и редакцией Повести временных лет.

К упрощению летописания неизбежно вела и задача реконструкции не дошедших до нас сводов. Д. С. Лихачев справедливо заметил, что «для А. А. Шахматова самый метод работы летописца представлялся одним и тем же... в течение веков»⁶⁰. Очевидно, к шахматовскому пониманию летописной работы логично было бы применить ходячее словечко «механический». В историографии XIX в. свод как механическое соединение самостоятельных компонентов воспринимал Н. И. Костомаров. И вполне логично в механичности соединений он усматривал теоретическую возможность восстановления первичных элементов⁶¹. А. А. Шахматов также полагал, например, что предположенный им «Полихрон Фотия» «возник путем механического соединения местных летописей русских в одно целое»⁶². Таковыми же представлялись ему, в сущности, и более ранние своды. Именно при взгляде на летописание как на что-то единообразное в пространстве и времени можно было ставить задачу реконструкции текстов. При таком подходе не оставалось места и для особой заинтересованности летописцев, их тенденциозности. Если многие представители бестужевского направления склонны были преувеличивать многообразие историографических традиций Древней Руси, если они терялись перед сложностью (реальной или мнимой) состава сводов, в которых подчас видели только следы исчезнувших памятников, то А. А. Шахматов находил возможным свести весь наличный материал к нескольким «основным» сводам, последовательно разворачивающимся один за другим. Он легко предполагал не дошедший до нас свод, но верил в высокую сохранность самого летописного материала.

Необходимо подчеркнуть, что для успешного развития летописеведения совершенно необходим был даже и отрицательный опыт А. А. Шахматова. Создавая генеалогическое древо сводов, А. А. Шахматов развернул как бы на едином холсте огромное количество материалов, и это само по себе решающим образом облегчает работу каждого, кто пересматривает поставленные в предварительном порядке «большие скобки». Возражать приходится против абсолютизации отдельных сторон шахматовского подхода к летописям, «консервации» тех его положений, которые с самого начала представлялись спорными, и даже тех, от которых сам ученый впоследствии отказался.

Одно из наиболее ходячих представлений, воспринимаемых почти как аксиома не только филологами, но и многими историками, заключается в убеждении, что филологическое (именно формально-филологическое) изучение летописи должно предшествовать историческому. Так, М. Д. Приселков осудил историков, которые «верили датам и сообщениям «Повести временных лет» при изучении X в., совершенно не считаясь с тем, что трудами историка языка и литературы А. А. Шахматова было установлено, что первые опыты летописного повествования в Киеве относятся лишь к середине XI века, а сама «Повесть временных лет» сложилась уже в начале XII века»⁶³. Напомним, что это замечание М. Д. Приселков сделал четверть века спустя после того, как сам А. А. Шахматов резко осудил его за некритическое предпочтение шахматовских реконструкций реальным текстам⁶⁴. Но М. Д. Приселков, оче-

⁶⁰ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 31—32.

⁶¹ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории. СПб. 1861, стр. 34—35.

⁶² А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды, стр. 165.

⁶³ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. «Ученые записки» ЛГУ. Серия исторических наук, вып. 8, 1941, стр. 215.

⁶⁴ Ср. А. А. Шахматов. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни. «Научный исторический журнал», 1914, т. II, вып. 2, № 4, стр. 45.

видно, считал, что у историка не может быть самостоятельных оснований для сомнений в правильности предложенных реконструкций.

М. Д. Приселкову возражал Б. Д. Греков⁶⁵. Он, однако, не развернул своей аргументации. Позднее М. Н. Тихомиров, полемизируя с Д. С. Лихачевым, отнесшим начало летописания «даже ко второй половине XI столетия», указал, что при таком подходе сведения о X—первой половине XI в. придется признавать недостоверными. Между тем они представлялись ученому вполне достоверными, и это обстоятельство побуждало его искать следы летописания в гораздо более раннее время⁶⁶. Критика аргументов Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова и Л. В. Черепнина со стороны Я. С. Лурье, а также поддержка им позиции М. Д. Приселкова строятся именно на предпочтении аргументов филологических историческим⁶⁷.

Пожалуй, только В. Т. Пашуто прямо заявил о несостоятельности самого тезиса о примате филологического изучения летописей над историческим⁶⁸. Но он не развил своих соображений, и филологи никак на них не отреагировали. Между тем историков не случайно не удовлетворяют схемы, предложенные филологами. С помощью одних филологических приемов текст не может быть даже правильно прочитан, тем более что во многих случаях мы имеем дело с безнадежно поврежденными чтениями. Только на фоне соответствующей исторической эпохи может быть понято содержание летописи. С углублением наших знаний об эпохе давно и хорошо известные тексты наполняются все новым и новым содержанием. Многие спорные вопросы, касающиеся прочтения летописных сказаний, будут решены лишь в том случае, если удастся установить, как обстояло дело в действительности. Фразы «поляне, яже ныне зовомая Русь» или «суть людие новгородстии от рода варяжска» остаются спорными в течение длительного времени не потому, что они непонятны с формально-филологической точки зрения, а потому, что не вполне ясно заложенное в них историческое содержание.

Таким образом, летописи не являются каким-то исключением в источниковедении. Как и при работе с другими источниками, форма и содержание в летописеведении не могут отрываться друг от друга без серьезного ущерба и для того и для другого. Изучение летописей не может вестись по этапам, когда осмыслению текста предшествует его восстановление по формальным признакам. Задача восстановления может быть поставлена лишь при обязательном учете конкретного исторического смысла изучаемого материала.

В тесной связи с рассмотренным вопросом находится и другой, касающийся места сравнительно-текстологического метода в изучении летописей. Здесь нужно отграничить два аспекта: возможности сравнительно-текстологического метода вообще и специфика применения этого метода А. А. Шахматовым. В современной литературе это различие почти не проводится. Для Я. С. Лурье, например, «сравнительно-текстологический» (он его не отличает от «сравнительно-исторического») и «шахматовский» методы — синонимы, причем только этот метод признается вполне научным. Между тем классическими предшественниками сравни-

⁶⁵ Б. Д. Греков. Избранные труды. Т. II. М. 1959, стр. 227; ср. также стр. 322—323.

⁶⁶ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии, стр. 41; ср. его же. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Советская этнография». Сборник VI—VII. М. 1947, стр. 63—65.

⁶⁷ Я. С. Лурье. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед, стр. 467—468; его же. Изучение русского летописания, стр. 29. В последней статье Л. В. Черепнин поддержал «текстологическое» направление. Однако собственная конструкция автора строится вообще независимо от текстов, а его «государственная» исходная посылка требует именно исторического обоснования (ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 59—64).

⁶⁸ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 60.

тельно-текстологического метода в отечественной филологии начала XX в. являются В. М. Истрин и С. А. Бугославский, а не А. А. Шахматов.

В. М. Истрин работал параллельно с А. А. Шахматовым. Только А. А. Шахматов, решая проблемы русского летописания, затрагивал византийские источники, а В. М. Истрин, занимаясь греческой хронографией и ее славянорусскими переводами, касался летописания. Как и А. А. Шахматов, В. М. Истрин ставил на первый план литературоведческие задачи. «Восстановление нескольких не дошедших до нас промежуточных стадий,— замечал он по поводу шахматовских построений,— всегда важно в том отношении, что указывает на непрерывающуюся литературную традицию». Однако автор считал неправомерным выходить за пределы сравнительно-текстологического метода. Его текстологический анализ, как правило, очень тщателен, а выводы осторожны. Он чаще всего не пытался решать те вопросы, для выяснения которых не хватало данных текстологического сопоставления. И в критике А. А. Шахматова у В. М. Истрина преобладал негативный момент. Отмечая важность установления «промежуточных стадий», он подчеркивал, что «это нужно делать с осторожностью и убедительностью, иначе, исходя из одной какой-нибудь страницы и делая скачок за скачком, мы наводим славяно-русскую литературу таким количеством не дошедших до нас редакций, что непосвященному человеку не будет возможности и разобратся»⁶⁹.

Едва ли не лучшее достижение сравнительно-текстологического метода — трехтомное исследование В. М. Истрина о Хронике Георгия Амартола. Как правило, В. М. Истрин сравнивал реальные тексты, а его предположения о не дошедших до нас источниках обосновывались реальными текстологическими отличиями. Если у А. А. Шахматова можно встретить сплошь и рядом датировки не дошедших до нас сводов с точностью до месяца, то у В. М. Истрина, например, «составление первой редакции Еллинского летописца колеблется между второй половиной XI и началом XIII вв.»⁷⁰. Весьма осторожны датировки и ряда других памятников или переводов. А. А. Шахматов В. М. Истрин критиковал главным образом за гипотезы, не вытекающие из текстологического анализа.

Рациональное зерно замечания В. М. Истрина содержали главным образом в своей негативной части. Однако в позитивной части вклад его значительно беднее. Выводы ученого достаточно надежны в отношении памятников византийской письменности в русской традиции, но решить вопросы истории летописания с позиций только влияния на него византийской хронографии, конечно, невозможно. К тому же в своих исследованиях В. М. Истрин, как правило, ограничивался формальным текстологическим анализом, который позволяет решить далеко не все вопросы и которого далеко не всегда достаточно даже для решения чисто текстологических проблем. Не случайно в его схеме русского летописания выделяются (для начальной части) только два этапа летописной работы: середина XI и начало XII столетия.

В том же плане критиковал А. А. Шахматова и С. А. Бугославский. Автор справедливо указывал на некоторые текстологические ошибки А. А. Шахматова, на односторонний временами отбор текстологического материала («избирательность»!) и на злоупотребление конъектуральной критикой (оперирование предположительными чтениями). Но, будучи весьма вдумчивым текстологом, С. А. Бугославский совершенно терялся, когда речь заходила о самых необходимых исторических пояснениях. Текстологический анализ приводит автора к выводу, что «Память и похвала Владимиру» в ее настоящем виде сложилась в середине XIII в.

⁶⁹ В. М. Истрин. Исследования в области древнерусской литературы. I—V. СПб. 1906, стр. 143.

⁷⁰ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. Т. II. Пггр. 1922, стр. 379.

(впрочем, эта датировка получена не без соображений исторического характера). Автор выделяет в компиляции и ряд более древних самостоятельных элементов. Но он даже не пытается их датировать. «Не берусь окончательно решать эти сложные вопросы, но хотел бы помочь будущему исследователю систематизацией рукописного материала», — таково характерное заявление текстолога⁷¹.

Н. Н. Воронин заметил по поводу работ С. А. Бугославского, что «исследователь, принципиально отказавшись от «конъектуральной» критики источников и целиком уйдя в кропотливый анализ и сопоставление множества текстов, оказался замкнутым в искусственном мире самодвижения редакций и разночтений и полностью оторвал предмет своего исследования от живой действительности, которая была ясно зрима в самих изучаемых им текстах»⁷². Примерно тот же недостаток В. Т. Пашуто усматривает и у А. А. Шахматова: «Списки» влияют на «списки», «редакции» «требуют» изменений от «редакций»⁷³. Но в этом случае необходимы определенные коррективы. В отличие от С. А. Бугославского А. А. Шахматов обычно стремился объяснить происхождение текста, прибегая при этом к конъектуральной критике в почти неограниченных размерах. Если отвлечься от вопроса о том, до какой степени допустима конъектуральная критика, можно согласиться с В. Т. Пашуто, что при воссоздании конъектурных чтений у А. А. Шахматова (особенно в первый период его деятельности) преобладали формальные аргументы.

А. А. Шахматов, конечно, не случайно постоянно отходил от сравнительно-текстологического метода. По справедливому замечанию Д. Мейчика, «сличение между собой различных списков в лучшем случае может помочь в восстановлении их протографа; но если этот протограф сам по себе был уже поврежден, то вместо археографических соображений необходимо прибегать к историко-юридическим или общелогическим»⁷⁴. Если бы А. А. Шахматов ограничился такими случаями, когда «два различных летописных свода на протяжении ряда лет совпадают между собой, а потом расходятся»⁷⁵, то о создании генеалогического древа сводов ему не пришлось бы и думать: при анализе сводов XV—XVI вв. ему не удалось бы выйти за пределы XV века. К тому же всякий раз необходимо уточнять, когда могла возникнуть основа двух совпадающих сводов. Если, например, Софийская I и Новгородская IV летописи совпадают между собой до 1418 г., а Воскресенская и Ростовская — до 1479 г., то это свидетельствует о существовании у них общих источников, доведенных соответственно до 1418 и 1479 гг., но время их возникновения может быть установлено только на основе внутреннего анализа текстов (прежде всего исторического анализа).

Таким образом, пропагандируя «шахматовский» сравнительно-текстологический метод, некоторые наши филологи в действительности рекомендуют методологические принципы В. М. Истрина, С. А. Бугославского и других авторов, весьма критически относившихся к шахматовским построениям. А. А. Шахматов использовал сравнительно-текстологический метод, но далеко не ограничивался им. Не случайно Д. С. Лихачев говорит о «методе логически-смыслового анализа», который, очевидно, предполагает прежде всего внутренний анализ текста. Не случайно также щедрые комплименты в адрес А. А. Шахматова сопровождаются фактически полным игнорированием его главного труда — «Ра-

⁷¹ С. А. Бугославский. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. ИОРЯС. Т. XXIX. Л. 1925, стр. 126.

⁷² Н. Н. Воронин. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. ТОДРЛ. Т. XIII. 1957, стр. 14.

⁷³ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 63.

⁷⁴ Д. Мейчик. Русско-византийские договоры. ЖМНП, 1915, ч. 57, стр. 350.

⁷⁵ Я. С. Лурье. Изучение русского летописания, стр. 20, прим. 57.

зысканий о древнейших русских летописных сводах», в котором ученый пытался дать реконструкции сводов XI столетия.

Следует подчеркнуть, что учет сравнительно-текстологического материала совершенно обязателен при исследовании летописей. Но ведь еще В. Н. Татищев установил, что содержащие Повесть временных лет Лаврентьевская и Ипатьевская летописи расходятся после 1156 года⁷⁶. И. Сенигов и И. А. Тихомиров указали на использование в Новгородской I летописи киевского источника до 1115 года⁷⁷. Если исходить из данных текстологического порядка, как их понимает, например, Я. С. Лурье, то придется признать, что исследование летописания XI в. невозможно. В сущности, он к такой мысли и склоняется, допуская (проблематично) его зарождение лишь во второй половине XI века⁷⁸. А. Вайян, И. П. Еремин и М. Х. Алешковский вообще относят начало летописания к самому концу XI и началу XII столетия⁷⁹. Привлечение же для восстановления древнейшего летописания сводов XV—XVI вв. и других основанных на летописях сочинений средневековой историографии оказывается вообще излишним, поскольку их протографы застревают где-то в XV веке. Ведь даже факт существования двух редакций Повести временных лет (вернее, мысль об этом) доказывался (К. Н. Бестужевым-Рюминым и позднее А. А. Шахматовым) с помощью разностороннего внутреннего анализа летописных текстов.

Сравнительно-текстологический метод предполагает поступательное движение в глубь летописных пластов. «Как геолог, углубляясь внутрь земли,— размышлял П. Казанский о путях анализа летописей,— по самой формации пластов земных отмечает первичные эпохи земли от вторичных и третичных, узнает перевороты, испытанные землей, и к какой эпохе они относятся, так филолог, разлагая самую букву древних памятников, форму изменения слов и сочетания их, может всего вернее определить время появления известных памятников. Конечно, переписчики позволяли себе много изменений, но все не могли изгладить совершенно первобытного характера памятников, и сличение многих списков в руках филолога есть действительное средство для восстановления памятника в древнем виде»⁸⁰. В том же направлении шли разъяснения шахматовской методологии А. Ю. Насоновым, который считал, что «путь историка, поставившего себе целью воссоздать генеалогический ряд не дошедших до нас летописных памятников, начинается с обследования наиболее поздних, по времени составления, летописных компиляций; только отсюда он может подняться к более древним, не дошедшим до нас сводам и далее восходить в глубь летописной традиции, к самым истокам изучаемого им летописания»⁸¹. Историк, несомненно, должен максимально использовать возможности движения сверху вниз. Но они весьма ограничены: с каждым шагом в глубь традиции резко снижается достоверность реконструкций. Поэтому для воссоздания генеалогического ряда указанный путь исследования должен быть дополнен историческим осмыслением текста летописи.

Это положение встречает особенно настойчивое и порою непонятное возражение со стороны некоторых филологов. Между тем речь идет

⁷⁶ В. Н. Татищев. История Российская. Т. I. М.-Л. 1962, стр. 122.

⁷⁷ И. Сенигов. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М. 1887, стр. 30; И. А. Тихомиров. О начальном Киевском своде, стр. 495.

⁷⁸ Я. С. Лурье. Изучение русского летописания, стр. 28—29.

⁷⁹ A. Vaillant. La chronique de Kiev et son auteur. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. 20, свеска 3—4. Београд, 1954; И. П. Еремин. Литература Древней Руси. М.-Л. 1966, стр. 45 и др.; М. Х. Алешковский. Повесть временных лет. М. 1971; ср. там же предисловие В. Л. Янина (стр. 8).

⁸⁰ П. Казанский. Критический разбор, стр. 15.

⁸¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. «Известия» АН СССР, 1930, сер. VII, Отдел гуманитарных наук, № 9, стр. 710.

о довольно очевидных вещах. Любое исследование может вестись от известного к неизвестному. Пока речь идет об оперировании реальными текстами, сравнительно-текстологический метод достаточно эффективен. Углубление в пласты «вторичной» и «третичной» эпох делает текстологические посылки уже весьма проблематичными, пока они вообще не теряют какую-либо достоверность. Между тем многие конкретные летописные статьи подвергаются проверке с помощью внелетописных источников и дают возможность (путем исторического анализа) с гораздо большей степенью вероятности говорить о времени их возникновения, а также о заложенных в них тенденциях. Сообщения об атмосферных явлениях могут быть проверены с математической точностью. Записи в древних рукописях, граффити (целый их архив, параллельный летописи, содержит Киевская София), сказания, вошедшие в особые сборники, иностранные источники — все это данные, с помощью которых во многих случаях может быть установлено время появления летописного известия. Не случайно А. Маркевич считал, что «филологическая критика... может судить о том, когда было составлено известие, но (по крайней мере пока) не может решить, когда оно внесено в известный список»⁸². Только при встречном движении от целого к частному и от частного (путем группировок сюжетных линий) к целому можно надеяться получить действительную генеалогию сводов.

Следует обратить внимание и еще на один момент. Генеалогия сводов интересует историков не сама по себе. Для них важно выяснить, в какое время и при каких условиях осуществлялись переработки предшествующего материала, дабы можно было учесть тенденцию источника. Но на этот вопрос метод снятия слоев почти не дает ответа. Не случайно А. А. Шахматов фактически не выявил сколько-нибудь заметных переработок материала начального летописания на протяжении ряда столетий, и его реконструкции представляют собой механически выделенные отрывки начальных частей трех старших летописей (Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I). Именно это обстоятельство имел в виду Н. К. Никольский, когда оговаривался, что «исходною точкою» для него «послужило (как и в предшествующих однородных изысканиях) условное предположение, что древнейшие (XIV в.) из сохранившихся списков Повести в общем воспроизводят древний состав Сильвестровской редакции ее начала XII в.». Автор не исключал возможности, что «при дальнейших исследованиях такое предположение окажется подлежащим существенному исправлению и что в зависимости от этого должны будут измениться и выводы, основанные на вышеуказанном условном суждении»⁸³. Очевидно, к недоразумениям следует отнести высказанный в этой связи Я. С. Лурье упрек, будто «Н. К. Никольский вообще отказывался от «текстуального анализа летописей» (отвергая, однако, выводы, сделанные А. А. Шахматовым на основе такого анализа)»⁸⁴. Ведь речь идет о том, что А. А. Шахматову не удалось выявить в составе Повести временных лет «вертикальные» вторжения, позднейшие переработки первоначального текста. Н. К. Никольский вполне допускал, что они могут быть выявлены, а наличие Поучения Мономаха только в составе Лаврентьевской летописи убеждало его в том, что «состав Повести мог подвергаться изменениям в период от 1116 (или 1118) г. до появления в свет утраченного протографа древнейших списков ее»⁸⁵. Но даже если мы допустим, что все этапы прохождения текста нам известны (пока это, конечно, утопия), то только внутренний (прежде всего исторический) анализ его может позволить связывать возможные из-

⁸² А. Маркевич. О летописях, стр. 120.

⁸³ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Вып. I. Л. 1930, стр. 4.

⁸⁴ Я. С. Лурье. Изучение русского летописания, стр. 22—23.

⁸⁵ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. 3, прим.

менения с тем или иным этапом. Перекрестный анализ и в этом случае абсолютно необходим для получения относительной истины.

Едва ли не самым важным внутренним противоречием, полностью подрывающим построения текстологического направления, является несоответствие характера источника способам его изучения. А. Шлецер и И. Добровский исходили из представления о цельности нашего летописания и именно на это представление ориентировали свои методы. Бестужевское направление смотрело на летописание как на значительное число параллельно существующих традиций и опять-таки соответственно этому представлению пыталось выработать исследовательские приемы. У А. А. Шахматова уже в известной степени сказывается расхождение между пониманием объекта исследования и средствами его изучения. При этом методы и задачи косвенно влияют на понимание сущности источника. Воскрешая задачи А. Шлецера и отчасти его методы, А. А. Шахматов невольно возвращался к трактовке всего летописания как одного дерева, идущего от общего корня. Между тем его собственный материал постоянно приводил его к столкновению с этой посылкой. Он признавал наличие новгородской летописной традиции параллельно с киевской уже в XI в., а для многих известий летописного характера, находящихся за пределами основного генеалогического древа, вынужден был искать недошедшие редакции. Сторонники же текстологического направления, логично, со своей позиции, отвергая некоторые из предполагаемых промежуточных этапов, склонны вообще перечеркивать материал, не помещающийся на ветвях одного дерева. Это с особой наглядностью проявилось в дискуссии о материалах В. Н. Татищева.

Вывод С. Л. Пештича о том, что В. Н. Татищев «сознательно перedelывал», «вымышлял» и «фальсифицировал» источники, получил энергичную поддержку со стороны Я. С. Лурье и некоторых других авторов⁸⁶. При этом ни С. Л. Пештич, ни его последователи даже не сочли необходимым мотивировать исходную посылку своей концепции. А она весьма показательна. С. Л. Пештич сопоставлял «Историю Российскую» (первую редакцию ее) с изданием Повести временных лет по Лаврентьевскому списку, то есть по тому списку, которого в распоряжении В. Н. Татищева вообще не было. Очевидно, С. Л. Пештич и сторонники его точки зрения полагают, что Лаврентьевская летопись впитала в себя все историографическое богатство Древней Руси⁸⁷. Несостоятельность этой посылки видна уже при сопоставлении Лаврентьевской летописи с другими (в том числе с Ипатьевской, которой, кстати, тоже не было у В. Н. Татищева)⁸⁸. И объяснять, очевидно, нужно не только причины отличия материалов В. Н. Татищева от некоторых известных нам летописей, но и различия летописей между собой.

Следует подчеркнуть, что представление о летописании как о едином дереве никем не доказывалось и существует в качестве априорной посылки. Возвращаясь к шлецеровскому пониманию летописания, сторонники текстологического направления называют «шагом назад» вся-

⁸⁶ Ср. С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Ч. 1, стр. 250 и др., ч. 2, стр. 158—159 и др.; Е. М. Добрушкин, Я. С. Лурье. Историк-писатель или издатель источников, и др.

⁸⁷ Эту презумпцию «скептиков» не заметил и В. А. Кучкин, хотя его собственный материал свидетельствует не только в пользу добросовестности В. Н. Татищева (об этом автор говорит), но и в пользу тех приемов изучения «татищевских известий», которые вытекают из иного взгляда на предмет (ср. В. А. Кучкин. К спорам о В. Н. Татищеве. «Проблемы истории общественного движения и историографии». М. 1971).

⁸⁸ Ср. А. Г. Кузьмин. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Вопросы истории», 1963, № 9. Более эластичный (по сравнению со «скептиками») подход можно наблюдать в статьях В. И. Корецкого (см., в частности, В. И. Корецкий. Работа В. Н. Татищева по истории крестьянского закрепощения. «Вопросы истории», 1971, № 9). Исключительно разнообразен круг применяемых приемов в фундаментальном исследовании Б. А. Рыбакова (Б. А. Рыбаков. Русские летописцы XII века и автор «Слова о полку Игореве». М. 1972).

кую попытку оценить становление древнерусской историографии во всей ее сложности. В связи с этим следует напомнить, что М. Н. Тихомиров (который, по мнению Я. С. Лурье, «возвращался» к «бестужевским методам») исходил, между прочим, из того, что «русскую историографию как начального периода, так и более позднего времени нельзя отождествлять с летописными сводами, которые сами основывались на ряде источников различного характера». Ученый был убежден в том, что «летописные своды были не начальной, а заключительной стадией исторических обобщений, которым предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания»⁸⁹. Эта мысль представлялась правильной такому последователю А. А. Шахматова, как А. Н. Насонов⁹⁰; это положение лежит в основе многих разысканий Б. А. Рыбакова. Представление о многообразии древнерусских исторических сочинений — важное достижение историографии XIX в., которое нельзя просто игнорировать: несогласие с этим представлением требует доказательств.

В сущности, только формальный подход к летописям как к оторванным от жизни литературным сочинениям мог породить взгляд на них как на единое дерево. Признание же факта публицистичности летописания, политической заинтересованности и авторов и читателей исключает самое возможность существования однозначной исторической письменности. Ведь если Всеволодовичи (Владимир Мономах, например) стремятся провести через летописи свою версию событий, не смущаясь очевидными подтасовками, то трудно себе представить, чтобы соперничавшие с ними Изяславичи и Святославичи не пытались хотя бы обороняться. Преобладание в летописании разных центров промономаховой редакции начальной его части объясняется не тем, что иного летописания не было, а тем, что публицистическая заостренность его хорошо осознавалась современниками. Промономахова редакция Начальной летописи получает распространение в тех центрах, где правят потомки Мономаха. Особый материал Я. Длугоша и В. Н. Татищева в какой-то мере связан с самостоятельным летописанием Ростиславичей Галицких. Существовали, несомненно, и сочинения, отражавшие интересы разных городских слоев. Но они почти не имели шансов выжить в условиях многократных политических переворотов. Именно непрерывность традиции обеспечивала особый успех полуофициозному или прямо официозному летописанию княжеской власти и церкви.

Известно, что и в церковной жизни Руси, особенно начального периода христианизации, существовали серьезные разногласия между разными течениями. Следы этих разногласий заметны в письменности. Отражаются они и в летописании⁹¹. Но в настоящем виде перед нами предстают компиляции, в которых эти разногласия смягчены рукой позднейшего редактора или автора, уже не улавливавшего существа противоречий. А в свое время каждая из борющихся сторон, несомненно, прибегала к перу, тем более что это нередко оставалось единственной возможной формой борьбы. Уже поэтому мы не имеем права игнорировать огромный внелетописный материал, а также материал летописей, характер связи которых с «основным» деревом нам пока еще не понятен.

Сравнительно-текстологический метод, оторванный и противопоставленный другим путям изучения летописей, ведет к упрощению и формализации не только летописания в целом, но и понимания харак-

⁸⁹ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 41.

⁹⁰ А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. М. 1969, стр. 20.

⁹¹ Летописец, проводивший Корсунскую легенду, ополчался против тех, кто связывал крещение Владимира с Киевом или Василевым. Ср. «Летопись по Лаврентьевскому списку». СПб. 1897, стр. 109.

тера свода. Я. С. Лурье не случайно ставит вопрос: «Чем определяется степень нашего доверия к известию источника — ценностью источника в целом или вероятностью данного известия?». Не случаен и его ответ на этот вопрос в пользу «общей характеристики источника»⁹².

Необходимо оговориться, что общая оценка памятника совершенно обязательна. А. Н. Насонов, полемизируя с Я. С. Лурье и Д. С. Лихачевым, справедливо заметил, что «нельзя не считаться, определяя происхождение памятника, прежде всего с результатами анализа памятника в целом»⁹³. Но если, например, «анализ памятника в целом» привел нас к выводу, что это свод, то и изучать его нужно как сочинение, составленное из разных источников. По мысли Я. С. Лурье, материалами В. Н. Татищева не следует пользоваться, потому что у него есть недостоверные известия. Е. М. Добрушкин это теоретическое положение применил на практике: поскольку в статье 1113 года у В. Н. Татищева есть недостоверные известия, то «следует признать невозможность использования» и сведений, «связанных с ними в качестве источника по истории Древней Руси»⁹⁴. Но такой подход может повести к отказу от всех письменных источников по истории Древней Руси, поскольку в каждом из них, конечно, обнаружится какой-нибудь дефект.

В летописном своде мы имеем дело не только со сводчиком, но и с его источниками. Степень вмешательства сводчика в текст источников очень различна, и выяснять ее нужно. Но нельзя зачеркивать работу поздних авторов только потому, что в их сочинения просочились недостоверные сведения предшествующих эпох. Расслать же их, отделить тенденции далекого прошлого от интересов позднего летописца невозможно в рамках «самодвижения» списков изучаемого текста. Необходимо привлечение параллельного материала иных традиций, в том числе и внелетописного. Между тем мы сталкиваемся с тем, что попытки включить в «комплекс» изучаемых памятников внелетописный материал даже осуждаются. Так, Я. С. Лурье видит своеобразную ущербность «Памяти и похвалы Владимиру» в том, что это «не летопись, а житийный памятник, приводящий летописные известия»⁹⁵. Но в том и заключается ценность данных известий, что они как бы выпали из определенной летописной традиции и получили возможность «законсервироваться», поскольку для переписчиков жития их содержание не представляло особого интереса. Кстати, эти заметки не только признак существования свода конца X в., о чем писали Л. В. Черепнин и Б. А. Рыбаков; они свидетельствуют о существенной переработке вошедшего в Повесть временных лет материала.

Невнимание А. А. Шахматова к первичным элементам сводов не могло не сказаться отрицательно на некоторых его заключениях. Ему представлялось, например, что Корсунская легенда («Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь») и Сказание о Борисе и Глебе являются извлечениями из летописи. Так создавалось впечатление, будто параллельный внелетописный материал отпочковался от основного летописного древа. Между тем именно текстологическим путем легко уста-

⁹² Я. С. Лурье. Критика источника и вероятность известия. «Культура Древней Руси». М. 1966, стр. 121 и 126.

⁹³ А. Н. Насонов. История русского летописания, стр. 324. Впрочем, эта элементарная истина давно сознавалась специалистами, а потому и разговор следует вести о конкретных пониманиях соотношения целого и частного. В качестве курьеза можно отметить, что в недавно вышедшей работе Я. С. Лурье упрекает А. Г. Кузьмина в недооценке значения литературной истории текста, но оперирует фактами и положениями, уже приведенными в книге А. Г. Кузьмина (ср. Я. С. Лурье. К изучению летописного жанра. ТОДРЛ. Т. XXVII. Л. 1972, стр. 77—78, 80—82, и А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М. 1965, стр. 220—227 и др.).

⁹⁴ Е. М. Добрушкин. О двух известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. «Вспомогательные исторические дисциплины». III. Л. 1970, стр. 290.

⁹⁵ Я. С. Лурье. Изучение русского летописания, стр. 29.

навливается, что оба эти памятника включены в свод⁹⁶, и мы получаем возможность составить представление о характере работы, по крайней мере какого-то определенного летописца, а также лишний раз убеждаемся в том, что летописные традиции развиваются на широком фоне самостоятельных исторических и публицистических сочинений.

Д. С. Лихачев заметил однажды, что летописи «не только своды предшествующих произведений... но и своды идей. В них получают свое отражение различные идеологии»⁹⁷. Это очень важное положение, но из него следует делать логические выводы. Нелогична, в частности, квалификация работ Н. К. Никольского как «шага назад» в методологическом отношении⁹⁸. Д. С. Лихачев допускает явную неточность, объединяя Н. К. Никольского и В. М. Истрина в одном лагере и полагая, будто оба они «вернулись к старому взгляду на летописные своды, как на случайные и непродуманные соединения разнородного материала»⁹⁹. Упрекать Н. К. Никольского можно скорее в прямо противоположном. Многие авторы указывали на известную «внеисторичность» построений А. А. Шахматова. С этих позиций критиковал его и Н. К. Никольский. «В восстанавливаемой им истории летописных сводов XI в., — замечал Н. К. Никольский по поводу шахматовских реконструкций, — мы не видим признаков смены не сводческой, а историографической работы, происходившей в этом столетии»¹⁰⁰. А. А. Шахматов, полагал Н. К. Никольский, «не усматривал различия между средневековой тенденциозностью идеологической, которая зависит от предвзятых теорий... и тенденциозностью исторической, которая выражается в пристрастном освещении фактов, зависящем от субъективной их оценки»¹⁰¹. Слово «исторический» употреблено, видимо, не вполне удачно. Но мысль ученого ясна. Помимо собственных вкусов и склонностей, над любым писателем довлеет идеология времени, эпохи и, мы добавим теперь, той социальной группы, к которой он относится или взгляды которой выражает. Литературоведческий же и до известной степени формальный подход к летописному материалу как к чему-то единообразному в пространстве и времени, привел к тому, что А. А. Шахматов пошел «по предвзятому направлению таких наблюдений над приростом или осложнением сводов, которые исключали необходимость признавать как преднамеренность пропусков и умолчания, так и влияние идеологической тенденциозности на состав летописей»¹⁰².

Идеологический анализ источников, разумеется, не может быть проведен в рамках сравнительно-текстологического метода, когда продвижение в глубь пластов увязает подчас на расстоянии в несколько столетий от изучаемой эпохи. К тому же летописцы, очевидно, с большим безразличием относились к фактам, нежели к идеям, которых они не разделяли. Но если мы признаем возможность отражения в своде различных идеологий, то задача историков должна заключаться в попытке их выделить. При этом придется считаться с тем, что отвергаемые кем-то идеи чаще всего сохраняются в своде в урезанном виде, случайно. Идеологические противоречия свода очень часто являются результатом компилирования источников разных традиций в такое время, когда стусеживалась острота противоречий. Мы имеем дело в таких случаях не с горизонтальным наслоением, а с соединением «по вертикали» на хро-

⁹⁶ Ср. Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб. 1907, стр. 2—3; Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М. 1957. Выводы этих авторов решающим образом подкрепляются фактом чересполосного распределения материала обоих источников в летописи.

⁹⁷ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет. Т. II, стр. 43.

⁹⁸ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 33.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Н. К. Никольский. Повесть временных лет, стр. 23.

¹⁰¹ Там же, стр. 24.

¹⁰² Там же, стр. 29.

нологической канве. Все это создает дополнительные трудности при размежевании материалов свода по идейным признакам, и потому поиски внешних параллелей приобретают особое значение. Только это будут параллели несколько иного рода, нежели те, которыми обычно пользуются при текстологических сопоставлениях.

Р. В. Жданов вполне в духе критики Н. К. Никольского заметил, что А. А. Шахматов, «несомненно, суживал понятие источника: для него источник только там, где имеется текстуальная зависимость; влияние более общее и не столь непосредственное выпадало из его поля зрения»¹⁰³. Такого рода сужение вообще характерно (и неизбежно) для текстологического направления, особенно когда летописание сводится к единственной традиции. Но оно окажется совершенно неприемлемым при взгляде на летописи как на памятники древнерусской общественной мысли. Внутренний анализ далеко не всегда может выявить бесспорные данные в пользу соединения в летописи разных идеологий. Поэтому чрезвычайно важно на внелетописном материале доказать самый факт существования этих разных идей. Установление же такого рода фактов даст историку в руки гораздо больший материал для оценки конкретного летописного текста и извлечения из него максимальной информации, чем рассуждения о лишенных плоти и крови «протографах», породивших другие «протографы» и все-таки отстоящие весьма далеко от изучаемой эпохи. Это, в частности, убедительно продемонстрировал Н. К. Никольский, привлекая для объяснения некоторых летописных сюжетов широкий круг памятников западнославянской письменности. Аналогичным способом Б. А. Рыбаков выявил в летописях (за XII в.) разные взгляды по кардинальным вопросам государственного устройства.

Следует еще раз подчеркнуть, что сравнительно-текстологический метод необходим при анализе летописей. Кропотливое сличение летописных (и внелетописных) текстов — непреложная обязанность исследователя, обращающегося к летописям. Поэтому указания на новые текстологические факты всегда представляют большую ценность. Но, например, исследование начального летописания уже более столетия строится в основном на одном и том же текстовом материале. Очевидно, реальный прогресс в его изучении возможен лишь за счет нового осмысления старого материала.

Если говорить о месте историко-материалистического подхода к летописям, то он, очевидно, может проявиться именно в осмыслении текстов, а также в распространении на них общей историко-материалистической теории познания. Уже понимание природы летописания невозможно в наше время без учета достижений исторической науки в плане уяснения характера общественно-политических отношений изучаемой эпохи. Многие важные исторические вопросы вообще могут быть решены на внелетописном материале, и круг их неуклонно расширяется. Не учитывать этого обстоятельства — значит искусственно отгораживать летописеведение от общего прогресса исторической науки. При всей грандиозности объема летописных материалов сопоставление текстов будет сравнительно небольшой и ограниченной частью летописеведческого исследования, возможности же исторического осмысления текстов практически безграничны. Само собой разумеется, что при таком подходе и историческая наука получит «отдачу» в виде дополнительной информации, извлеченной из летописей.

¹⁰³ Р. В. Жданов. Крещение Руси и Начальная летопись. «Исторические записки». Т. 5. М. 1939, стр. 4.